

Анато́л Карста́н

ВЕРСАЛЬ

Albert Samain

VERSAILLES

Albert Samain

VERSAILLES

Альбер Самен

ВЕРСАЛЬ

Стихотворения

Перевел с французского

Роман Дубровкин

ЛЕТНИЙ САД

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ · 2001

ББК 84(4Фр)-5

С17

С17 **Самен, Альбер**
Версаль : Стихотворения / Пер. с фр.,
предисл. Р. Дубровкина. — М.; СПб.: Летний
сад, 2001. — 61 с.

ISBN 5-94381-007-2

Первый в России сборник стихотворений «младшего» французского символиста Альбера Самена (1858–1900) в переводах Р. М. Дубровкина, известного переводчика европейской поэзии.

Текст дан параллельно на русском и французском языках.

ББК 84(4Фр)-5

ISBN 5-94381-007-2

© Р. Дубровкин, 2001

© ИТД «Летний сад», 2001

«В САДУ ИНФАНТЫ»

В 1899 году, в ознаменование уходящего века, два французских критика, Поль Леото и будущий сотрудник брюсовского журнала «Весы» Адольф Ван Беве́р, задумывают итоговую антологию научного типа: с подробнейшими биографиями авторов, библиографиями их произведений, указаниями критических статей и пространными цитатами из рецензий. Название сборника также выбрано амбициозное, подчеркнуто современное — «Поэты сегодняшнего дня» («Les poètes d'aujourd'hui»).

Осуществить проект такого рода всегда нелегко. В обстановке идейного брожения, пришедшего на смену исчерпавшему себя символизму, эта задача оказалась трудной вдвойне. Нельзя забывать, что то была эпоха журналов и журнальчиков, движений и тенденций, школ и фракций, издательских бурь и газетных скандалов. Как перенести весь этот хаос на книжные страницы, как выверить бесконечное число источников, цифр, сносок?

Следуя давно заведенному обычаю, составители антологии начали с опроса: разослали письма всем без исключения «действующим» поэтам с просьбой предоставить подробные данные о самих себе,

о своих сборниках и, непременно, о ярких эпизодах своей жизни. Результат превзошел самые дерзкие ожидания: книга, развернувшая широчайшую панораму поэтической Франции, была в скором времени собрана, отредактирована, издана, а затем десятки раз переиздана — в одном, двух и даже трех томах.

Был среди авторов книги поэт, уважаемый братьями за душевную тонкость и чистоту, «поэт осени и сумерек, — как сказал о нем Франсуа Коппе, — поэт мягкой, болезненной томности, поэт благородной грусти». За несколько месяцев до издания антологии он ушел из жизни, оставив после себя два томика изящных стихов, несколько рассказов и стихотворную трагедию «Полифем».

Этим поэтом был Альбер Самен (1858—1900).

В своем письме к составителям антологии он рассказал о себе, казалось бы, всё, а в сущности совсем немного:

четверг, 30 ноября 1899 г.

Уважаемый господин Ван Бевер!

1) Я родился в Лилле, во Фландрии. О своей частной жизни не могу Вам сообщить ничего особенного. Учеба в лицее и к двадцати годам отъезд в Париж.

2) В общей сложности опубликовал: «В саду инфанты» (1893), 1-е издание в зеленой обложке; «В саду инфанты» (1893), издание за 3 фр. 50 сан-

тимов, дополненное ранее неопубликованным циклом «Склоненная урна»; и наконец, «На чреслах вазы» (1898).

3) Я посылал стихи в различные журнальчики молодой поэзии, о которых у меня не осталось точных воспоминаний; в «Ша Нуар», где, как мне кажется, были опубликованы мои первые стихи; в «Скапен»; в «Ревию генераль» и проч., и проч., однако бóльшая часть сборника «В саду инфанты» появилась в журнале «Меркюр де Франс». Помимо этого, я дал несколько стихотворений в «Ревию эбдомадер», а несколько лет тому назад послал стихи в «Ревию де дё монд». Многие из вещей, опубликованных в периодике, будут через некоторое время собраны мною в небольшой томик. <...>

* * *

Томик, получивший название «Золотая колесница» (1901), был действительно издан — но, увы, посмертно. В последнем пункте своего строго информативного письма поэт отмечает некоторые рецензии, а в заключение сухо сообщает: «Добавлю, что сборник „В саду инфанты“ был отмечен премией Академии».

«В саду инфанты» — первая и самая знаменитая книга Самена, книга, над которой, по словам Реми де Гурмона, любили «отдаваться мечтам» молодые женщины, уже знающие «наизусть все, что есть нежно-прекрасного в стихах Верлена».

Среди широкой публики книга прославилась прежде всего начальной строкой своего заглавного стихотворения: «Mon âme est une infante en robe de parade...»

«Моя душа живет, инфанты горделивей...», — переводил Георгий Иванов, не избежавший влияния французского декаданса и переложивший на русский язык еще одно стихотворение Самена — «Сирены».

М. Волошин тоже помнил и любил «Инфанту», но воспринимал ее автора отнюдь не в изысканно романтическом, а скорее в трагическом контексте: «Когда поэту приходится в жизни заниматься делом, ничего общего не имеющим с внутренней сущностью его души, — писал он, — когда обстоятельства жизни заставляют Спинозу шлифовать стекла, утонченнейшего поэта А. Самена, чья душа была „Инфантой в пышном платье“, служить приказчиком в одном из больших парижских магазинов, <...> это производит на меня впечатление неизъяснимого оскорбления...»

О нищете, о каждодневном надрыве этого человека, в отрочестве потерявшего отца, повествует его второе письмо составителям антологии, которые оказались явно не удовлетворены нарочитой сдержанностью предыдущего ответа:

*Как я Вам писал, в моей жизни не было событий;
в ней не содержится никаких элементов, которые
могли бы подкрепить биографию занимательными*

историями. Что в ней может быть занимательно-го, так это путь, на который заставила вступить меня жизнь, дабы в конце концов привести к литературе. Ибо в четырнадцать с половиной лет я просто-напросто оставил лицей, чтобы наняться рассыльным в банк. Из банка меня перебросили в маклерскую контору по торговле сахаром, где я провел несколько очень несчастливых лет, работая с половины девятого утра до восьми вечера и до двух часов дня по воскресеньям. Вот почему, мечтая любыми путями освободиться от этого рабства, я начал подумывать, как подыскать себе место чиновника. В двадцать пять лет – я отнюдь не преувеличиваю – я не числил среди своих товарищей ни одного литератора. Все мои знакомые принадлежали к деловому миру. Мне ничего не оставалось, как читать. У этой страсти была нелегкая жизнь – надо думать, к счастью...»

«Нежный и искренний поэт, умевший находить ритмы изысканно музыкальные – вот все, что должно сказать о Самэне, как лирике. Не занимая в поэзии одного из первых мест, он останется в ней навсегда, как тонкий художник и подлинный поэт», – так в немногих словах резюмировал творчество своего французского современника один из его русских переводчиков Валерий Брюсов. А еще его переводили Илья Эренбург и Бенедикт Лившиц, но, к сожалению, буквально считанные стихотворения.

В глубоко индивидуальных стихах Самена критики парадоксально усматривали и меланхолию романтиков, и скульптурную монументальность парнасцев, и язычество античного мифа, и симфоническую торжественность, возводя его духовную родословную к Бодлеру, Верлену и, естественно, «загадочному» Малларме. Но разве сочетание всех этих качеств не есть признак подлинного символизма?

Р. Дубровкин

«Au jardin de l'infante»

*Из сборника
«В саду инфанты»*

HEURES D'ETE

I

Apporte les cristaux dorés,
Et les verres couleur de songe;
Et que notre amour se prolonge
Dans les parfums exaspérés.

Des roses! Des roses encor!
Je les adore à la souffrance.
Elles ont la sombre attirance
Des choses qui donnent la mort.

L'été d'or croule dans les coupes;
Le jus des pêches que tu coupes
Eclabousse ton sein neigeux.

Le parc est sombre comme un gouffre...
Et c'est dans mon coeur orageux
Comme un mal de douceur qui souffre.

III

Lune de cuivre – Parfums lourds...
Comme des lampes sous un dôme,

ЛЕТНИЕ ЧАСЫ

I

Опять хрусталь от дымки матов,
От блеска золотой каймы,
Любовь опять продлили мы
Ожесточеньем ароматов.

О розы летние, не зря
Ваш поздний пыл меня дурманит
И сумрачным дыханьем манит,
О близкой смерти говоря.

Ты персик разрезаешь спелый,
А лето со своей капеллой
Шумит садами позади,

Бокалы наполняя соком,
И брызги на твоей груди
Твердят о скорбном и высоком.

III

Под медным месяцем желты
Гирлянды звезд, как лампионы,

Les astres brûlent; l'heure embaume;
Les fleurs dorment dans le velours.

L'âme en langueur des jardins sourds
Exhale d'étouffants arômes.
L'eau des porphyres polychromes
Dans les bassins pleure, toujours.

Nulle ombre de feuille qui bouge...
Seule, ta lèvre éclate, rouge,
A la flamme du haut flambeau;

Et tu sembles, dans l'air nocturne,
Dure et fatale comme l'urne
Impénétrable d'un tombeau.

Благоуханья ночи сонны,
И спят на бархате цветы.

Истомлена до глухоты
Душа садов, и монотонны
В порфириновых бассейнах стоны
Воды, куда глядишься ты.

И тень листка не шелохнется...
Как факел, в глубине колодца
Пылает рот багровый твой.

Порывы полночи безбурны,
И устьем погребальной урны
Твой лик мерцает роковой.

OCTOBRE EST DOUX...

Octobre est doux. – L'hiver pèlerin s'achemine
Au ciel où la dernière hirondelle s'étonne.
Rêvons... le feu s'allume et la bise chantonne.
Rêvons... le feu s'endort sous la cendre d'hermine.

L'abat-jour transparent de rose s'illumine.
La vitre est noire sous l'averse monotone.
Oh! le doux «remember» en la chambre d'automne,
Où des trumeaux défunts l'âme se dissémine.

La ville est loin. Plus rien qu'un bruit sourd de voiture
Qui meurt, mélancolique, aux plis lourds des tentures.
Formons des rêves fins sur des miniatures.

Vers de mauves lointains d'une douceur fanée
Mon âme s'est perdue; et l'Heure enrubannée
Sonne cent ans à la pendule surannée...

ОКТЯБРЬ

Последних ласточек испуганная стая
Мелькает в небесах. Давно в пути зима.
Давай мечтать... очаг потух, завыла тьма.
Давай мечтать... очаг в отливах горностая.

Трепещет абажур, как роза, вырастая,
И души мертвого трюмо, сводя с ума,
«Remember»¹ нежное сожженного письма
Твердят за осень, и сеть дождя густая

Висит над городом, и окон свет белёс,
В тяжелых складках штор смолкает шум колес...
Мечты миниатюр туманней наших слез.

Душа стремится ввысь — там в листьях гаснут крыши..
Столетье бьют часы, с ударом каждым тише,
И медный маятник по гулкой ходит нише...

¹ Помни (англ.).

DILECTION

J'adore l'indécis, les sons, les couleurs frêles,
Tout ce qui tremble, ondule, et frissonne, et chatoie;
Les cheveux et les yeux, l'eau, les feuilles, la soie,
Et la spiritualité des formes grêles;

Les rimes se frôlant comme des tourterelles,
La fumée où le songe en spirales tournoie,
La chambre au crépuscule, où Son profil se noie,
Et la caresse de Ses mains surnaturelles;

L'heure de ciel au long des lèvres câlinée,
L'âme comme d'un poids de délice inclinée,
L'âme qui meurt ainsi qu'une rose fanée,

Et tel coeur d'ombre chaste, embaumé de mystère,
Où veille, comme le rubis d'un lampadaire,
Nuit et jour, un amour mystique et solitaire.

ЧТО МНЕ ДОРОГО

Мне мир полутонов, полуотзвучий дорог
И трепет поступи, исполненной ошибок,
И волосы, и шелк, и стан, что хрупко-гибок,
И взор, что к низкому возвышенно-незорок;

И рифмы-горлицы, и щебет оговорок,
И дым, завившийся в спираль полуулыбок,
И шторы, где ЕЕ точеный профиль зыбок,
И нежных рук ЕЕ потусторонний морок;

И час, когда лазурь прохладой губ пропахла,
Когда под тяжестью любви склонилась чахло
Душа, что розою заласканной издряхла;

И сердце, тайну снов узревшее воочью,
Где страсти скрытый свет, подобный средоточью
Рубиновых лампад, пылает днем и ночью.

KEEPSAKE

Sa robe était de tulle avec des roses pâles,
Et rose-pâle était sa lèvre, et ses yeux froids,
Froids et bleus comme l'eau qui rêve au fond des bois,
La mer Tyrrhénienne aux langueurs amicales

Berçait sa vie éparse en suaves pétales.
Très douce elle mourait, ses petits pieds en croix;
Et, quand elle chantait, le cristal de sa voix
Faisait saigner au coeur ses blessures natales.

Toujours à son poing maigre un bracelet de fer,
Où son nom de blancheur était gravé «Stéphane»,
Semblait l'anneau rivé de l'exil très amer.

Dans un parfum d'héliotrope diaphane
Elle mourait, fixant les voiles sur la mer,
Elle mourait parmi l'automne... vers l'hiver...

Et c'était comme une musique qui se fane...

КИПСЕК

На юбке тюлевой разводы бледных роз,
И бледно-розовы раскрытых губ изломы,
Глаза в мерцании мечтательной истомы,
Холодные, как пруд, что тростником зарос.

Тирренскою волной, не ведающей гроз,
Цветы баюкали ее до смертной дремы,
И были так ее напевы нам знакомы,
Что сердце мучилось в огне кровавых рос.

На худенькой руке простой браслет железный
С прекрасным именем, начертанным иглой:
«Стефан» – утес в кольце изгнаннической бездны.

Гелиотропами повеял ветер злой:
Она встречала смерть, как берег бесполезный,
Она встречала смерть, как парус небылой...

Так гаснет музыка, гонима зимней мглой...

* * *

Vague et noyée au fond du brouillard hiémal,
Mon Ame est un manoir dont les vitres sont closes,
Ce soir, l'ennui visqueux suinte au long des choses,
Et je titube au mur obscur de l'animal.

Ma pensée ivre, avec ses retours obsédants,
S'affole et tombe ainsi qu'une danseuse soûle;
Et je sens plus amer, à regarder la foule,
Le dégoût d'exister qui me remonte aux dents.

Un lugubre hibou tournoie en mon front vide;
Mon coeur sous les rameaux d'un silence torpide
S'endort comme un marais violâtre et fiévreux.

Et toujours, à travers mes yeux, vitres bizarres,
Je vois – vers l'Orient étouffant et cuivreux –
Des cités d'or nager dans des couchants barbares.

* * *

Под вечер смутная душа моя близка
Туману зимнему – холодному, седому.
Насупилась под стать заброшенному дому,
Где липнет плесенью животная тоска.

Вихрится мысль, пьянит и падает, и дразнит,
Снует танцовщицей, что вечно под хмельком,
Не видеть бы людей, не думать ни о ком!
От скуки будничной в зубах гадливость вязнет.

В надлобье пустота заухала совой,
И сердце, вялое, как плеск береговой,
Зашлось, спеленато листвою малодушной.

А в зеркале зрачков, как в небе огнем,
Вздымает купола восточный город душный,
Прекрасный варварским закатным торжеством.

Il est d'étranges soirs, où les fleurs ont une âme,
Où dans l'air énérvé flotte du repentir,
Où sur la vague lente et lourde d'un soupir
Le coeur le plus secret aux lèvres vient mourir.
Il est d'étranges soirs, où les fleurs ont une âme,
Et, ces soirs-là, je vais tendre comme une femme.

Il est de clairs matins, de roses se coiffant,
Où l'âme a des gaîtés d'eaux vives dans les roches
Où le coeur est un ciel de Pâques plein de cloches,
Où la chair est sans tache et l'esprit sans reproches.
Il est de clairs matins, de roses se coiffant,
Ces matins-là, je vais joyeux comme un enfant.

Il est de mornes jours, où, las de se connaître,
Le coeur, vieux de mille ans, s'assied sur son butin,
Où le plus cher passé semble un décor déteint
Où s'agite un minable et vague cabotin.
Il est de mornes jours las du poids de connaître,
Et, ces jours-là, je vais courbé comme un ancêtre.

Il est des nuits de doute, où l'angoisse vous tord,
Où l'âme, au bout de la spirale descendue,
Pâle et sur l'infini terrible suspendue,
Sent le vent de l'abîme, et recule éperdue!
Il est des nuits de doute, où l'angoisse vous tord,
Et, ces nuits-là, je suis dans l'ombre comme un mort.

В иные вечера так странно от огней
И странно, что волной медлительной и пьяной
Из бездны сердца вздох восходит покаянный,
Чтоб умереть в душе цветов непостоянной.
В иные вечера так странно от огней.
В такие вечера я женщины нежней.

В иные утра я смеюсь легко и звонко,
И синева души безоблачно светла,
Вокруг пасхальные звонят колокола,
И плоть – как ручейком омытая скала,
В иные утра я смеюсь легко и звонко,
В такие утра я счастливее ребенка.

В иные дни душой к беспамятству влеком,
Я, как плохой актер, напрасно жду оваций,
А тени прошлого – лишь груда декораций
На сцене, где царят бездарные паяцы,
В иные дни душой к беспамятству влеком...
В такие дни брожу я ветхим стариком.

В иные ночи я мечусь в тоске бессильной,
И кажется, что вниз скользит душа моя
По краю пропасти, но не решаюсь я
До срока заглянуть в провал небытия,
В иные ночи я мечусь в тоске бессильной,
В такие ночи я мертвец во тьме могильной.

«Le chariot d'or»

*Из сборника
«Золотая колесница»*

VERSAILLES

I

O Versailles, par cette après-midi fanée,
Pourquoi ton souvenir m'obsède-t-il ainsi?
Les ardeurs de l'été s'éloignent, et voici
Que s'incline vers nous la saison surannée.

Je veux revoir au long d'une calme journée
Tes eaux glauques que jonche un feuillage roussi,
Et respirer encore, un soir d'or adouci,
Ta beauté plus touchante au déclin de l'année.

Voici tes ifs en cône et tes tritons joufflus,
Tes jardins composés où Louis ne vient plus,
Et ta pompe arborant les plumes et les casques.

Comme un grand lys tu meurs, noble et triste,
sans bruit;
Et ton onde épuisée au bord moisi des vasques
S'écoule, douce ainsi qu'un sanglot dans la nuit.

II

Grand air. Urbanité des façons anciennes.
Haut cérémonial. Révérences sans fin.

ВЕРСАЛЬ

I

Версаль, как объяснить, что чахнувшее лето
Торопит воскресить тебя из забвения?
Лазурный гаснет пыл, печали не тая, —
Природной дряхлости последняя примета.

На прозелень прудов, цветных от пятен света,
На листья красные весь день смотрел бы я!
А ветер бы шептал, что красота твоя
Куда тревожнее, чем увяданье это.

Тритон под тисами надулся, веселя
Аллеи, где уже не встретишь короля, —
Ни шлемов, ни карет, ни праздничных
султанов...

Версаль, как лилия, неслышно гибнешь ты
И, кажется, не плеск разрушенных фонтанов,
А чей-то плач всю ночь струишь из темноты.

II

Какие имена! Изящество какое!
А церемониал гигантского дворца!

Créqui, Fronsac, beaux noms chatoyants de satin.
Mains ducales dans les vieilles valenciennes,

Mains royales sur les épinettes. Antiennes
Des évêques devant Monseigneur le Dauphin.
Gestes de menuet et coeurs de biscuit fin;
Et ces grâces que l'on disait Autrichiennes...

Princesses de sang bleu, dont l'âme d'apparat,
Des siècles, au plus pur des castes macéra.
Grands seigneurs pailletés d'esprit. Marquis de sèvres.

Tout un monde galant, vif, brave, exquis et fou,
Avec sa fine épée en verrouil, et surtout
Ce mépris de la mort, comme une fleur, aux lèvres!

III

Mes pas ont suscité les prestiges enfuis.
O psyché de vieux saxe où le Passé se mire...
C'est ici que la reine, en écoutant Zémire,
Rêveuse, s'éventait dans la tiédeur des nuits.

O visions: paniers, poudre et mouches; et puis,
Léger comme un parfum, joli comme un sourire,
C'est cet air vieille France ici que tout respire;
Et toujours cette odeur pénétrante des buis...

Mais ce qui prend mon coeur d'une étreinte infinie,
Aux rayons d'un long soir dorant son agonie,
C'est ce Grand-Trianon solitaire et royal,

Изысканность манер, поклоны без конца
И кружевных манжет кипенье фатовское.

Аббатов словеса в разубранном покое
Дофина юного и короля-отца,
Пустые, как пастух фарфоровый, сердца,
Блистательных балов веселье мотовское...

И «австриячки» двор, и россыпи остроут,
И споры герцогов, чей утонченной род?
И голубая кровь принцесс, и принцы крови.

Как славный этот мир галантен был и глуп!
Отчаянный бретер со шпагой наготове,
Приветствующий смерть усмешкой гордых губ.

III

Иду, прошедшее шагами пробуждая...
Психея зеркала саксонского, верни
Беседку мне и парк, где в веерной тени
Стихам монархиня внимала молодая!

О время пышных фижм и мушек, никогда я
Не вырвусь из твоей счастливой западни!
Как тонкие духи, волнуют эти дни,
Волнует Франция, геройская, седая!..

Здесь буксом все насквозь пропахло, но не он,
А пышные твои порталы, Трианон,
Безлюдные, покой мой навсегда изгнали.

Et son perron désert où l'automne, si douce,
Laisse pendre, en rêvant, sa chevelure rousse
Sur l'eau divinement triste du grand canal.

IV

Le bosquet de Vertumne est délaissé des Grâces.
Cette ombre, qui, de marbre en marbre gémissant,
Se traîne et se retient d'un beau bras languissant,
Hélas, c'est le Génie en deuil des vieilles races.

O Palais, horizon suprême des terrasses,
Un peu de vos beautés coule dans notre sang;
Et c'est ce qui vous donne un indicible accent,
Quand un couchant sublime illumine vos glaces!

Gloires dont tant de jours vous fûtes le décor,
Ames étincelant sous les lustres. Soirs d'or.
Versailles... mais déjà s'amasse la nuit sombre.

Et mon coeur tout à coup se serre, car j'entends,
Comme un bélier sinistre aux murailles du temps,
Toujours, le grand bruit sourd de ces flots noirs
dans l'ombre.

Ты золото успел под вечер растерять,
И тихой осени рыжеющая прядь
Тускла в божественно скучающем канале.

IV

Как будто Грации, придя в последний раз,
Покинули навек Вертумна бор священный,
Кто этих мраморных останков призрак пленный?—
То демон, плачущий над гробом древних рас.

Дворец, очерченный квадратами террас,
В часы, когда закат окрашивает стены,
Как много крови ты вливаешь в наши вены
Из царства красоты и рыцарских кирас!

О сколько гордых душ здесь промелькнуло в раме
Цветущих анфилад — златыми вечерами!
Версаль!.. Зловещий мрак встает со дна пруда.

И сердце слушает, сжимаясь, тьму ночную,
Где в стену времени, как в стену крепостную,
Тараном мерным бьет угрюмая вода.

PAYSAGES

I

L'air est trois fois léger. Sous le ciel trois fois pur,
Le vieux bourg qui s'effrite en ses noires murailles
Ce clair matin d'hiver sourit sous ses pierrailles
A ses monts familiers qui rêvent dans l'azur...

Une dalle encastrée, en son latin obscur,
Parle après deux mille ans d'antiques funérailles.
César passait ici pour gagner ses batailles,
Un oiseau du printemps chante sur le vieux mur...

Bruissante sous l'ombre en dentelle d'un arbre,
La fontaine sculptée en sa vasque de marbre
Fait briller au soleil quatre filets d'argent.

Et, pendant qu'à travers la marmaille accourue
La diligence jaune entre dans la grand'rue,
La tour du Signador jette l'heure en songeant.

II

L'horloger, pâle et fin, travaille avec douceur;
Vagues, le seuil béant, somnoient les boutiques;

ПЕЙЗАЖИ

I

Отмыт от копоти, стал воздух легче втрое:
Знакомой цепью гор зажаты с трех сторон,
Смеются улочки, забыв, какой урон
Им нанесло зимы дыхание сырое...

О славе Цезарей, о мужественном строе,
О двадцати веках, прошедших с похорон,
Скорбит надгробная латынь, а среди крон
Поют птенцы у стен, где падали герои...

В дрожащем кружеве листвы перевитой
Четыре нити вьет из пыли золотой
Над мрамором скульптур фонтана шум всегдашний.

Мальчишек слышен гвалт и мелкий звон стекла:
На площадь дилижанс ползет из-за угла,
И мерно бьют часы муниципальной башни.

II

Склонился часовщик, серьезный, сухопарый,
Открытых лавок вид и заспан, и нестрог,

Et d'un trottoir à l'autre ainsi qu'aux temps antiques
Les saluts du matin échantent leur candeur.

Panonceaux du notaire et plaque du docteur...
A la fontaine un gars fait boire ses bourriques;
Et vers le catéchisme en files symétriques
Des petits enfants vont, conduits par une soeur.

Un rayon de soleil dardé comme une flèche
Fait tout à coup chanter une voix claire et fraîche
Dans la ruelle obscure ainsi qu'un corridor.

De la montagne il sort des ruisselets en foule,
Et partout c'est un bruit d'eau vive qui s'écoule
De l'aube au front d'argent jusqu'au soir aux yeux d'or.

Вам «утра доброго» — с порога на порог —
Желает каждый здесь, храня обычай старый.

Пьет из фонтана мул, пустынные тротуары,
Табличка лекаря — плетенье медных строк,
Нотариуса дверь, а мимо на урок
Ведет монахиня детей притихших пары.

И вдруг разящие, как дротики, лучи
Звенят, о древние разбившись кирпичи,
Ручьи, смеясь, бегут отрогами крутыми.

Весь день шумит вода в сиянье голубом —
От девушки-зари с порозовевшим лбом
До парня-вечера с глазами золотыми.

* * *

J'aime l'aube aux pieds nus qui se coiffe de thym,
Les coteaux violets qu'un pâle rayon dore,
Et la persienne ouverte avec un bruit sonore,
Pour boire le vent frais qui monte du jardin.

La grand'rue au village un dimanche matin,
La vache au bord de l'eau toute rose d'aurore,
La fille aux claires dents, la feuille humide encore,
Et le divin cristal d'un bel oeil enfantin.

Mais je préfère une âme à l'ombre agenouillée,
Les grands bois à l'automne et leur odeur mouillée,
La route où tinte, au soir, un grelot de chevaux,

La lune dans la chambre à travers les rideaux,
Une main pâle et douce et lente qui se pose,
«Deux grands yeux pleins d'un feu triste»,
et, sur toute chose,

Une voix qui voudrait sangloter et qui n'ose...

* * *

Мне по душе Заря с тимьяном в алых косах,
В рассветном золоте лиловые хребты
И запах трав, когда окно раскроешь ты
В помолодевший сад, купающийся в росах.

Мне дороги стада на розовых откосах,
Покой воскресных дней и влажные цветы,
И беззаботный смех детей звонкоголосых,
И трепет девушки, чьи думы так чисты,

Но я ищу сердец, молитвенно безмолвных,
И сумрака лесов, осенней влагой полных,
И звона бубенцов в полночной тишине,

И света лунного в зашторенном окне,
И «грустного огня очей», — не оттого ли
Всего дороже мне душа, что

поневоле

Не смеет обнажить невыплаканной боли...

«Symphonie héroïque»

Из «Героической симфонии»

LA CUISINE

Dans la cuisine où flotte une senteur de thym,
Au retour du marché, comme un soir de butin,
S'entassent pêle-mêle avec les lourdes viandes
Les poireaux, les radis, les oignons en guirlandes,
Les grands choux violets, le rouge potiron,
La tomate vernie et le pâle citron.
Comme un grand cerf-volant la raie énorme et plate
Gît fouillée au couteau, d'une plaie écarlate.
Un lièvre au poil rougi traîne sur les pavés
Avec des yeux pareils à des raisins crevés.
D'un tas d'huîtres vidé d'un panier couvert d'algues
Monte l'odeur du large et la fraîcheur des vagues.
Les cailles, les perdreaux au doux ventre ardoisé
Laissent, du sang au bec, pendre leur cou brisé;
C'est un étal vibrant de fruits verts, de légumes,
De nacre, d'argent clair, d'écailles et de plumes.
Un tronçon de saumon saigne et, vivant encor,
Un grand homard de bronze, acheté sur le port,
Parmi la victuaille au hasard entassée,
Agite, agonisant, une antenne cassée.

НА КУХНЕ

На кухню, к запахам дурманящих приправ,
Прилавки рыночных торговков обобрав,
Вхожу, как в погреб с награбленной добычей:
Говяжий окорок, филей, желудок бычий,
Гирлянды луковиц, головки чеснока,
И помидорный лак, и бледность кабачка,
На тыквенных боках шершавые полоски,
И, как воздушный змей, раздавленный и плоский,
Морской алеет скат, разъятый тесаком,
И заяц на полу с прострелянным виском,
С глазами мертвенней засохших виноградин.
Щербатая гора из устриц, и отраден
Соленый запах волн, идущий от корзин:
Перепелиный шелк, фазанов кармазин.
Но шеи свернуты и клювы в сгустках крови.
От фруктов глянцевых, от раковин багровей
Лосось распластанный под пряною травой,
И купленный в порту омар, еще живой,
Как бронзовый божок, в углу съестного рая
Побитым усиком поводит, умирая.

CHIMERE

La Chimère a passé dans la ville où tout dort,
Et l'homme en tressaillant a bondi de sa couche
Pour suivre le beau monstre à la démarche louche
Qui porte un ciel menteur dans ses larges yeux d'or.

Vieille mère, enfants, femme, il marche sur leur corps...
Il va toujours, l'oeil fixe, insensible et farouche...
Le soir tombe... Il arrive; et dès le seuil qu'il touche,
Ses pieds ont trébuché sur des têtes de morts.

Alors soudain la bête a bondi sur sa proie
Et debout, et terrible, et rugissant de joie,
De ses griffes de fer elle fouille, elle mord.

Mais l'homme dont le sang coule à flots sur la terre,
Fixant toujours les yeux divins de la Chimère,
Meurt, la poitrine ouverte et souriant encor.

ХИМЕРА

Химера на дома уснувшие сошла.
Поднялся человек и, отстраняя разум,
Во тьму за чудищем побрел золотоглазым:
Обманов гибельных его манила мгла.

Жены и сыновей перешагнув тела,
Он вышел, ослеплен таинственным экстазом, —
Одну, другую дверь толкнул, и с каждым разом
Гора из мертвецов у ног его росла.

Как вдруг добытчица крыло над ним простерла,
Когтями острыми вцепилась в сердце, в горло,
Зашлась от радости с лоскутьями в зубах.

Но взора оторвать от глаз Химеры властной
Не смог он ни на миг и в луже крови красной
Лежал с улыбкою на пепельных губах.

VISION

Musique – encens – parfums,... poisons,... littérature!..
Les fleurs vibrent dans les jardins effervescents;
Et l'Androgyne aux grands yeux verts phosphorescents
Fleurit au charnier d'or d'un monde en pourriture.

Aux apostats du Sexe, elle apporte en pâture,
Sous sa robe d'or vert aux bijoux bruissants,
Sa chair de vierge acide et ses spasmes grinçants
Et sa volupté maigre aiguisée en torture.

L'archet mord jusqu'au sang l'âme des violons,
L'art qui râle agité d'hystériques frissons
En la sentant venir a redressé l'échine...

Le stigmaté ardent brûle aux fronts hallucinés.
Gloire aux sens! Hosanna sur les nerfs forcenés.
L'Antéchrist de la chair visite les damnés...

Voici, voici venir les temps de l'Androgyne.

ВИДЕНИЕ

Отрава – фимиам – мелодия – стихи!..
Объятый дрожью сад так исступленно хмелен,
И Андрогина взор так сладострастно зелен,
И гнилью отдают кладбищенские мхи.

Отступникам Любви приносит он грехи
Со дна истерзанных, но девственных расселин,
И бисерный подол по золоту расстелен,
И душат спазмами горящие души.

Смычок врезается до крови в душу скрипок,
Поэзия, чей хрип от возбужденья липок,
Прислушалась, дрожа и выпрямив хребет.

Осанна жарких жил и богу, и богине...
На воспаленном лбу стигмат ночных побед,
Антихрист Плоти к нам грядет предвестьем бед...

И наступивший день ликует в Андрогине!

«Aux flancs du vase»

*Из сборника
«На чреслах вазы»*

Pieds nus, manteaux flottants dans la brise, à l'aurore,
Tels, un jour, sont partis les enfants ingénus,
Le coeur vierge, les mains pures, l'âme sonore...
Oh! comme il faisait soir, quand ils sont revenus!

Pareils aux émigrants dévorés par les fièvres,
Ils vont, l'haleine courte et le geste incertain,
Sombres, l'envie au foie et l'ironie aux lèvres;
Et leur sourire est las comme un feu qui s'éteint.

Ils ont perdu la foi, la foi qui chante en route
Et plante au coeur du mal ses talons frémissants.
Ils ont perdu, rongés par la lèpre du doute,
Le ciel qui se reflète aux yeux des innocents.

Même ils ont renié l'orgueil de la souffrance,
Et dans la multitude au front bas, au coeur dur,
Assoupie au fumier de son indifférence,
Ils sont rentrés soumis comme un bétail obscur.

Leurs rêves engraisés paissent parmi les foules;
Aux fentes de leur coeur d'acier noble bardé,
Le sang altier des forts goutte à goutte s'écoule,
Et puis leur coeur un jour se referme, vidé.

Безвинные душой, беспечные, босые,
Смеясь, ушли они на самый край земли,
В лицо светили им зари лучи косые, —
Сгущалась тьма, когда назад они пришли.

Подобно беглецам, знобимым лихорадкой,
Дыханье хриплое переводя с трудом,
Усталые, бредут они походкой шаткой,
С улыбкой, тронутой презрением и стыдом.

Ни веры в их душе, ни песен, что порою
Крушат земное зло разгневанной пятой,
И небо синее восторженной игрою
Не озарит очей, порвавших с чистотой.

Страдальческий венец они отвергли с гневом
И, усыпленные бесчувственной толпой,
В навозе улеглись перед хозяйским хлевом,
Как бессловесный скот, покорный и тупой.

Тучнеют их мечты, не зная беспокойства,
Пока сквозь трещины закованных сердец
Еще сочится кровь высокого героизма,
Но, знайте, и она иссякнет наконец!

Matrone bien fardée au seuil clair des boutiques,
Leur âme épanouie accueille les passants;
Surtout ils sont dévots aux seuls dieux authentiques,
Et le front dans la poudre, adorent les puissants.

Ils veulent des soldats, des juges, des polices,
Et, rassurés par l'ordre aux solides étaux,
Ils regardent grouiller au vivier de leurs vices
Les sept vipères d'or des péchés capitaux.

Pourtant, parfois, des soirs, ils songent dans les villes
A ceux-là qui près d'eux gravissaient l'avenir,
Et qui, ne voulant pas boire aux écuelles viles,
S'étant couchés là-haut, s'y sont laissés mourir;

Et le remords les prend quand, au penchant des cimes,
Un éclair leur fait voir, les deux bras étendus,
Des cadavres hautains, dont les yeux magnanimes
Rêvent, tout grands ouverts, aux idéals perdus!

Продажной девкою, присыпав щеки пудрой,
Под вечер их душа зовет к себе гостей,
Чтить истинных богов — таков закон их мудрый,
Поклоны бить в пыли и не гневить властей.

Солдаты им нужны, ищейки, тюрьмы, судьи,
Им вольно дышится в казармах и дворцах,
Порядка жесткого бездушные орудья, —
Семь змей, как семь грехов, гнездится в их сердцах.

И все ж о тех, кто шел к вершинам с ними вместе,
Кто гибель предпочел похлебке даровой,
Не могут позабыть они в тиши предместий,
И сердце от тоски заходится, хоть вой,

И страшно им, когда закат, пылая ало,
Из мрака выхватит невзятые хребты
И взоры мертвецов, где отблеск Идеала
Зажег воздетых рук победные кресты.

LE REPAS PREPARE

Ma fille, laisse là ton aiguille et ta laine;
Le maître va rentrer; sur la table de chêne
Avec la nappe neuve aux plis étincelants
Mets la faïence claire et les verres brillants.
Dans la coupe arrondie à l'anse en col de cygne
Pose les fruits choisis sur des feuilles de vigne:
Les pêches que recouvre un velours vierge encor,
Et les lourds raisins bleus mêlés aux raisins d'or.
Que le pain bien coupé remplisse les corbeilles,
Et puis ferme la porte et chasse les abeilles.
Dehors le soleil brûle, et la muraille cuit.
Rapprochons les volets, faisons presque la nuit,
Afin qu'ainsi la salle, aux ténèbres plongée,
S'embaume toute aux fruits dont la table est chargée.
Maintenant, va puiser l'eau fraîche dans la cour;
Et veille que surtout la cruche, à ton retour,
Garde longtemps, glacée et lentement fondue,
Une vapeur légère à ses flancs suspendue.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ УЖИНА

Оставь веретено и пряжу, ангел мой!
Хозяин к ужину торопится домой.
Сначала скатертью, отглаженной и чистой,
Накрой дубовый стол, достань фаянс лучистый,
Бокалы и одну из круглодонных ваз,
Чью ручку отличить не мог никто из вас
От шеи лебеда, — в нее положишь кисти
Пурпурные и те, что солнца золотистой,
А рядом — персики пушистою горой!
Нарежь потоньше хлеб и плотно дверь закрой,
Прогнав несносных пчел... Стихает зной недавний,
Но стены горячи... Давай-ка сдвинем ставни!
Пусть наша комната в прохладной полумгле
Пропахнет свежестью от фруктов на столе.
И принеси воды студеной из колодца:
Следи внимательно, когда она нальется,
Чтоб на пути домой кувшин в твоих руках
Хранил испарину на ледяных боках.

LA BULLE

Bathylle, dans la cour où glousse la volaille,
Sur l'écuelle penché, souffle dans une paille;
L'eau savonneuse mousse et bouillonne à grand bruit,
Et déborde. L'enfant qui s'épuise sans fruit
Sent venir à sa bouche une âcreté saline.
Plus heureuse, une bulle à la fin se dessine;
Et, conduite avec art, s'allonge, se distend
Et s'arrondit enfin en un globe éclatant.
L'enfant souffle toujours; elle s'accroît encore:
Elle a les cent couleurs du prisme et de l'aurore,
Et reflète aux parois de son mince cristal
Les arbres, la maison, la route et le cheval.
Prête à se détacher, merveilleuse, elle brille!
L'enfant retient son souffle, et voici qu'elle oscille,
Et monte doucement, vert pâle et rose clair,
Comme un frêle prodige étincelant dans l'air!
Elle monte... Et soudain, l'âme encore éblouie,
Bathylle cherche en vain sa gloire évanouie...

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

В прохладе птичьего двора, где квохчут куры,
Взбил воду мыльную Батилл мой белокурый,
Но как в соломинку ни дует он – все зря!
Не получается из мыла пузыря,
И только едкая во рту густеет пена.
В конце концов один возник и постепенно
Круглится, тянется, пугает кривизной
И превращается в огромный шар сквозной.
«Теперь не упустить! Еще слегка подую!
Он небо повторил, и крышу, и гнедую
Кобылу – ярче нет на свете пузыря!
На выгнутом стекле так светится заря!
Повис на кончике – сейчас взлетит, ручаюсь!»
Ребенок задержал дыханье, и, качаясь,
Тысячецветный мир поплыл над головой,
То белый с розовым, то желтый с синевой,
Парит... и вдруг беда, неведомо откуда,
А мальчик не поймет, куда исчезло чудо...

TABLE DES MATIÈRES

«Au jardin de l'infante»

Heures d'été / 14

«Octobre est doux...» / 18

Dilection / 20

Keepsake / 22

«Vague et noyée...» / 24

«Il est d'étranges soirs...» / 26

«Le chariot d'or»

Versailles / 30

Paysages / 36

«J'aime l'aube aux pieds nus...» / 40

«Symphonie héroïque»

La cuisine / 44

Chimère / 46

Vision / 48

«Aux flancs du vase»

«Pieds nus, manteaux flottants...» / 52

Le repas préparé / 56

La bulle / 58

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «В саду инфанты»

Летние часы / 15

Октябрь / 19

Что мне дорого / 21

Кипсек / 23

«Под вечер смутная душа...» / 25

«В иные вечера...» / 27

Из сборника «Золотая колесница»

Версаль / 31

Пейзажи / 37

«Мне по душе заря...» / 41

Из «Героической симфонии»

На кухне / 45

Химера / 47

Видение / 49

Из сборника «На чреслах вазы»

«Безвинные душой...» / 53

Приготовление ужина / 57

Мыльный пузырь / 59

*Приглашаем посетить книжные магазины
издательско-торгового дома*

ЛЕТНИЙ САД

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Салон гуманитарной литературы
Большой пр. П. С., 82
ст. метро Петроградская
тел.: (812) 232-2104

«Университетская книга»
В.О., Менделеевская линия, 5
тел.: (812) 328-9638

Магазин в редакции журнала «Нева»
Невский пр., 3

В МОСКВЕ:

Магазин-салон «Летний сад»
Большая Никитская, 46
ст. метро Баррикадная
тел.: (095) 290-0688

Книжная лавка при РГБ
ул. Воздвиженка, 3/5, 1-й (читательский)
подъезд, тел.: (095) 222-8358

Оптовый отдел-склад
Б. Предтеченский пер., 7
ст. метро Краснопресненская
тел.: (095) 255-0198

*В издательстве «Летний сад»
в поэтической серии
«Билингва»
вышли в свет следующие книги:*

*Томас С. Элиот
«Практическое котоведение»*

*Марсель Пруст
«Портреты художников и музыкантов»*

*Перси Биши Шелли
«Стихотворения»*

Готовятся к печати:

*Уильям Шекспир
«Венера и Адонис»*

*Райнер Мария Рильке
«Сонеты к Орфею»*

*Альбер Самен
Версаль*

Отв. редактор *А. Зубков*
Редактор *А. Железцов*
Макет и вёрстка *В. Васильев*

Подп. в печать 4.07.2001. Усл.
печ. л. 2,56. Уч.-изд. л. 1,4. Гарни-
тура «New Baskerville». Формат
70×100/32. Тираж 2000 экз.
Заказ №3325

ЗАО ИТД «ЛЕТНИЙ САД»
121069, Москва, Б. Никитская, 46
Изд. лиц. ИД №03439 от 5.12.2000

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9 785943 810077